
Е.В. Литовских

КОРОВА БРОНЯ: ЖИВОТНЫЙ МИР
В «КНИГЕ О ЗАНЯТИИ ЗЕМЛИ»

В «Книге о занятии земли», в отличие от других древнеисландских произведений и в первую очередь от родовых саг, животный мир служит не только бытовым фоном. Каждое упоминание какого-либо животного в ней связано с сюжетом и несет особую смысловую нагрузку. Восприятие животного мира отразилось, в частности, в прозвищах первопоселенцев и в топонимии острова. При этом по количеству выделяются упоминания крупного рогатого скота. Особый и крайне редкий случай представляют домашние животные, у которых в древнеисландских произведениях приводятся клички. В «Книге о занятии земли» единственная названная по имени корова Броня выступает в роли вспомогательного действующего лица, способствующего раскрытию значения топонимов. Это выделяет ее сюжет из случаев использования других животных и птиц в тексте источника и ставит на один уровень с персонажами-людьми.

Ключевые слова: «Книга о занятии земли», животный мир, крупный рогатый скот, топонимия, прозвища.

Изображение животного мира Исландии и отношение к нему средневековых исландцев никогда не были предметом изучения – в отличие от фантастических существ: драконов, оборотней, духов и т.п., роль которых в идеологическом содержании саг, особенно саг о древних временах обсуждалась неоднократно, в том числе Г.В. Глазыриной (Glazyrina 2006; Глазырина 2013; см. также: Джаксон, Подосинов 2001). Поэтому в сборнике, посвященном ее светлой памяти, уместно обсудить, как и с какой целью исландцы отображали окружающий их мир домашних и диких животных.

Фауна острова была небогата. К моменту его заселения здесь водились дикие птицы (Landn. К. 17. Bls. 7), песцы (Landn. К. 22. Bls. 11), рыба (лосось, треска, селедка, пикша – Egils saga. К. 17. Bls. 89; Eiríks saga rauða. К. 6. Bls. 115; Landn. К. 17. Bls. 7; Laxdæla saga. К. 24. Bls. 305) и морские животные (киты, тюлени, моржи – Egils saga. К. 10. Bls. 79; Eiríks saga rauða. К. 4. Bls. 111; К. 13. Bls. 126), иногда встречались забредшие с севера белые медведи (Landn. К. 57. Bls. 39). Первопоселенцы привезли с со-

бой всех тех домашних животных, которых разводили на своем прежнем месте жительства, но не все они прижились в новых условиях. Так, по археологическим данным и материалам письменных источников (Vjarni F. Einarsson 1995. P. 29–46), на первом этапе освоения острова в Исландии пытались разводить не только овец и низкорослых лошадей, но и домашнюю птицу, свиней и коров (Landn. К. 86. Bls. 200). А.Я. Гуревич отмечал, что бонды, платившие налог за посещение альтинга, должны были иметь не менее одной коровы на каждого из членов семьи и слуг (Гуревич 1963. С. 233). Крупный рогатый скот, по крайней мере на начальном этапе исландской истории, имелся практически в каждом хозяйстве и ценился чрезвычайно высоко – дороже рабов¹. Однако со временем от содержания коз, свиней и коров исландцы были вынуждены отказаться из-за климатических условий (Глазырина 2013), и под *búfé* «скот, крупный рогатый скот» стали подразумевать исключительно овец (Egils saga. К. 29. Bls. 115; Harðar saga. К. 24. Bls. 486; Hrafnkels saga Freysgoða. К. 5. Bls. 141).

Животный мир крайне редко привлекал внимание авторов древнеисландских саг и почти всегда – в связи с практической деятельностью исландцев, особенно часто, если животные служили причиной конфликтов, или как составная часть окружающей среды. Рыба или кит, выброшенные на берег, становились добычей владельца этого участка берега, что нередко вызывало ссору между соседями (Grænlendinga saga. К. 7. Bls. 99; Laxdæla saga. К. 75. Bls. 430; Njáls saga. К. 75. Bls. 431). Лошади – как верховые (Egils saga. К. 71. Bls. 213; Gísla saga. К. 12. Bls. 37; Harðar saga. К. 21. Bls. 474; Hrafnkels saga Freysgoða. К. 5. Bls. 141), так и запряженные в телеги или сани (Egils saga. К. 31. Bls. 118; К. 75. Bls. 221) – были основным средством передвижения по суше. А мясо и молочные продукты входили в рацион исландцев и подавались на пирах (Eiríks saga rauða. К. 13. Bls. 126).

Будучи одним из элементов бытового фона, быки и коровы упоминаются в родовых сагах достаточно редко. Вскользь говорится о стадах коров (Harðar saga. К. 26. Bls. 482, К. 20. Bls. 474; Grænlendinga saga. К. 7. Bls. 99), использовании бычьих шкур (Njáls saga. К. 129. Bls. 364), волах, запряженных в сани с грузом (Gísla saga. К. 20. Bls. 51; Harðar saga. К. 20. Bls. 474), и т.п.

¹ Хозяин мог пожалеть запрячь в плуг быка, но не пожалеть рабов (Landn. К. 6. Bls. 3), при том что раб оценивался примерно в 3 эйрира серебра.

Лишь в одном единственном случае бык по кличке Харри (клички животных – кроме лошадей – крайне редки в сагах), который вел стадо из шести коров и принадлежал Олаву Павлину, оказывается действующим персонажем, определяющим развитие сюжета (*Laxdæla saga*. К. 31. Bls. 318–319). Однако его необычный внешний вид – серый в яблоках окрас и четыре рога (по два спереди и сзади на голове) – и вещий сон, приснившийся Олаву после забоя быка и связывавший смерть быка со смертью сыновей Олава, наводят на мысль о его сверхъестественной природе, так что его скорее можно причислить к оборотням и фантастическим существам, чем к обычным особям крупного рогатого скота.

В отличие от родовых саг, в «Книге о занятии земли» (*Landnámabók*)² животные и птицы занимают существенное место. «Книга» повествует о заселении Исландии по преимуществу людьми, прибывавшими из Норвегии, но также из Ирландии и Англии. Наибольшее внимание ее авторы обращают на происхождение и родственные связи заселяющих остров людей и на их территориальные владения с их границами и топографическими особенностями. Все прочие сюжеты при ближайшем рассмотрении непосредственно связаны с вышеперечисленными. В некоторых из них речь идет о животных, реальных или вымышленных, причем по количеству выделяются повествования о крупном рогатом скоте. В «Книге», в отличие от родовых саг, животный мир не служит только бытовым фоном (вообще чрезвычайно слабо обрисованным в ней): каждое упоминание какого-либо животного связано с сюжетом и несет в нем особую смысловую нагрузку.

Во-первых, дикие животные играли существенную роль в характеристике земельного владения. Сам факт наличия в его пределах зверей и рыб служил показателем богатства и выгоды этого места для заселения (*Landn.* К. 16. Bls. 41; К. 56. Bls. 131; ср.: *Hrafnkels saga Freysgoða*. К. 14. Bls. 155).

Во-вторых, домашний скот (в том числе коровы и быки) как часть собственности часто становился предметом спора между соседями, иногда приводившего к распре, убийствам и территори-

² «Книга» – важнейший источник по колонизации Исландии, подробно описывающий процесс заселения острова и упоминающий ок. 300 родов первопоселенцев (т.е. порядка 3,5 тыс. человек) и ок. 1500 топонимов. Она сохранилась в 5 редакциях, древнейшая из которых (*Sturlubók*, «Книга Стурлы») датируется примерно 1275–1280 гг. В тексте статьи приведен вариант перевода названия источника, который ввела в употребление Г.В. Глазырина (см.: Глазырина 2009. С. 235–238).

альным переделам³, и поэтому о животных – причинах конфликта – упоминалось, а иногда и рассказывалось более подробно.

В-третьих, избытие молочной продукции – изначально как результат успешного разведения крупного рогатого скота (овечьё молоко стало использоваться в Исландии значительно позднее) – было символом благосостояния. Желая привлечь поселенцев, вернувшийся из новооткрытой Исландии Торольв сказал, «что в земле, которую они нашли, масло капает с каждой травинки; за это его прозвали Торольв Масло»⁴; его спутники не столь лестно отзывались о своем открытии: Флоки Вильгердарсон говорил о ней плохо, а Херьольв – и хорошее, и плохое⁵.

Особое место среди домашнего скота и вообще фауны Исландии занимал бык. Он был одним из обличей духов-охранителей острова (*landvættir*)⁶, что, вероятно, нашло отражение в рассказе о распре Дувтака из Леса Дувтака и Сторольва, сына Лосося. Во сне, приснившись некоему ясновидцу, медведь встретился на Поле Сторольва с быком и подрался с ним. Как видно из последующего текста, бык в этом сюжете символизировал Дувтака и его территориальные претензии (Landn. K. 92. Bls. 67). Ссора соседей, символами которых являются бык и медведь, излагается как противопоставление домашнего животного дикому медведю-захватчику. Кроме реального межового спора, здесь можно усмотреть противопоставление культурного начала и дикой природы (Hastrup 1985. P. 128–146) и предсказание богатой жизни потомкам Дувтака на этой территории.

Восприятие животного мира отразилось в первую очередь в зооморфных прозвищах. Чтобы получить такое прозвище, человек должен был вступить в контакт с теми зверями или птицами, в честь которых его потом называли. Это могла быть и характеристика людей по внешнему виду или чертам характера, напоминающим

³ Например, Кари Киланссон судился из-за быка с Карли Кональссоном (Landn. K. 22. Bls. 11).

⁴ «Þórólfur kvað drjúpa smjör af hverju stráí á landinu, því er þeir höfðu fundit; því var hann kallaður Þórólfur smjör» (Landn. K. 2. Bls. 2). Торольв Масло, кроме «Книги о занятии земли», упоминается также в «Саге о Ньяле». Интересно, что М.И. Стеблин-Каменский переводил это прозвище как «Жир», т.е. выдвигая тем самым на первый план значение мясного скотоводства для норвежских переселенцев, а не молочного.

⁵ «И когда люди спрашивали о земле, Флоки отзывался о ней плохо, а Херьольв говорил о земле и хорошее, и плохое» («Ok er menn spurðu af landinu, þá lét Flóki illa yfer, en Herjólfur sagðe kost ok löst af landinu»: Landn. K. 2. Bls. 2).

⁶ См. о них: Джаксон, Подосинов 2001.

то или иное животное, иногда даже экзотическое, о котором средневековые исландцы могли только слышать, как, например, о павлине – такое прозвище носил Олав Павлин, один из героев «Саги о людях из Лососьей долины» (см. также: Landn. К. 39. Bls. 86). Поскольку в «Книге» скрупулезно перечисляются первопоселенцы и их потомки, то она содержит подробный именованый средневековых исландцев и, соответственно, дает возможность увидеть, какое место среди исландских прозвищ занимают зооморфные.

Всего в «Книге о занятии земли» встречается около 600 прозвищ, из них всего 35 так или иначе связаны с животным миром. 18 человек носят прозвища в честь домашних животных, 12 – именуется по названиям домашних и диких птиц, остальные – по диким животным, рыбам и насекомым (подробнее см.: Литовских 2009. С. 256–257).

Прозвищ, происходящих от названий крупного рогатого скота, не так уж и много, и все они связаны с быками. Одно (единственное из 10 препозитивов) носил Торир-Бык⁷, другое – Бьёрн Бычья Нога⁸. В эту группу можно отнести и прозвище Торда из Широкого Фьорда – Ревун⁹, отсылающее к преданию о *landvættir*. Дух-охранитель Торда принимает облик ревущего быка (один из четырех символов Исландии) при защите своих владений (Джаксон, Подосинов 2001). К этому же кругу «бычьих» прозвищ примыкает именование главного героя «Саги о людях из Оружейного фьерда» Хельги-Шипа, полученное им за использование в драке шипа, надеваемого быкам на ноги в гололед¹⁰. Немногочисленность прозвищ от названий крупного рогатого скота (два, т.е. шестая часть прозвищ, данных по до-

⁷ *Yxna-Þórir* (Landn. К. 35. Bls. 20. О получении прозвища см.: Landn. Viðauk. 6). Кроме «Книги о занятии земли», Торир-Бык упоминается в «Саге о гренландцах», «Саге об Эйрике Рыжем», «Саге о Ньяле» и «Саге о Торстейне Белом». «Сага о людях из Лососьей Долины» практически дословно повторяет тот фрагмент «Книги о занятии земли», который касается обширных стад, давших Ториру его прозвище (*Laxdæla saga*. К. 31. Bls. 318–319).

⁸ *Buna* (Landn. К. 10. Bls. 5). Бьёрн упоминается также в таких сагах, как «Сага о Ньяле», «Сага об Эйрике Рыжем» и «Сага о людях из Песчаной Долины».

⁹ *Gellir*. Торд Ревун (ум. 965), сын Олава Волчонка, был известным исландским хёвдингом X в. Он является действующим лицом или упоминается в «Саге о Греттире», «Саге о Курином Торире», «Саге о Ньяле», «Саге о гренландцах», «Саге об Эйрике Рыжем», «Саге о людях с Песчаного Берега» и «Саге о людях из Лососьей Долины».

¹⁰ *Brodd-Helgi* (*Vápnfirðingasaga*. К. 16. Bls. 41). Хельги-Шип является действующим лицом либо упоминается также в «Саге о Торстейне Белом» (где подробно рассказывается о том, как Хельги получил свое прозвище), «Саге о Ньяле», «Саге о сыновьях Дропплауг» и «Саге о Гуннаре Убийце Тидранди».

машным животным, в «Книге» и одно – в родовых сагах), возможно, свидетельствует о том, что крупный рогатый скот постепенно становился исчезающей реалией в древнеисландской жизни.

Поскольку «Книга о занятии земли» посвящена периоду освоения Исландии, то в ее тексте во множестве встречаются сюжеты, связанные с наименованием той или иной местности. Однако зооморфные топонимы на карте Исландии встречаются редко: из 1160 исландских топонимов, названных в «Книге», только 50 так или иначе связаны с животным миром. Соотношение зооморфных и прочих топонимов – 1:20 – примерно такое же, как и прозвищ.

Распределение имен внутри зооморфных топонимов, вместе с тем, совершенно другое. Если прозвищ, данных в честь домашних животных, примерно половина от общего числа зооморфных прозвищ, то таких топонимов меньше трети. Очевидно, это связано с тем, что большинство топонимов – 19 – отражает специфику фауны конкретной местности: три топонима связаны с медведями, один – с песцами, семь – с птицами и пять – с различными речными рыбами, по одному – с китами, тюленями, моржами¹¹.

Топонимов, образованных от названий домашних животных, прежде всего быков и коров, 13: пять топонимов даны от крупного рогатого скота, два – от коз, три – от баранов и три – от свиней. Так, например, рассказывается, что Торарин Торкельссон остановился в устье реки и повесил на шест в качестве межевого знака голову вола, от которой река была названа Воловьей, а усадьба Торарина – Устьем Воловьей Реки (*Þjórsárós*: Landn. K. 95. Bls. 70). Фьорд Тёлки (*Kvígandafjörður*) получил свое название благодаря тому, как были установлены границы владения первопоселенки: «Говорят, что женщина не может занять больше земли, чем двухлетняя тёлка обойдет за весенний день между восходом и закатом солнца. Поэтому Торгерд погнала свою тёлку под Торфяную Гору по южному берегу Реки Тёлки»¹². А Бычий Остров относился к владениям Торира-Быка, и именно на этом острове паслось одно из его стад¹³.

¹¹ Полный список зооморфных топонимов и их соотношение см.: Литовских 2009. С. 257–258.

¹² «En þat var mælt, at kona skyldi eigi víðara nema land en leiða mætti kvígu tvævetra várlangan dag sólsetra millum, hálfstalið naut ok haft vel. Því leiddi Þorgerðr kvígu sína undan Tóftafelli frá Kvíá suðr ok í Kiðjaleit hjá Jökulfelli fyrir vestan» (Landn. K. 84. Bls. 362). История Торгерд отсутствует в редакции «Книги Стурль», но сохранилась в редакции «Книги Хаука» и последующих поздних редакциях, на ней основанных.

¹³ Информация тоже дошла лишь в дополнениях редакции «Книги Хаука»: «Торир-

Особый и крайне редкий случай представляют домашние животные, клички которых сообщаются авторами древнеисландских произведений. Выделенные из общей массы скота, они играют в повествовании функциональную, а не фоновую роль.

Именно таково повествование в «Книге о занятии земли» о корове по кличке Броня (*Brynja*). Она сбежала от своего хозяина и стала виновницей территориальной тяжбы; ее кличкой была названа долина (*Brynjudalr*: Landn. K. 14. Bls. 6), где ее нашли, и река, протекающая по этой долине (*Brynjudalsá*: Landn. K. 8. Bls. 4)¹⁴. Броня – единственная известная по средневековым исландским текстам корова, имеющая собственное имя. Ей посвящен обширный по меркам «Книги о занятии земли» рассказ: «Торир-Лощина судился с Рэвом Старым, корову которого звали Броня. В ее честь называется долина. Она надолго пропала, потом ее нашли в Долине Брони на земле Рэва и сорок овец, которые ходили за ней и сами кормились. Поэтому оба претендовали на этих овец. Рэв и Торир бились у Холмов Торира, там пал Торир и восемь его человек»¹⁵. Далее Рэв именуется уже «Рэвом из Долины Брони», а его потомки – «бронедальцами», т.е. «жителями долины Брони» (Landn. K. 14. Bls. 7).

На первый взгляд, рассказ о корове Броне – лишь пояснение происхождения топонима, образованного от ее клички, мнемонический прием, способствующий лучшему закреплению этого топонима в памяти потомков. Подобные сведения (правда, в большинстве случаев – о человеке) служат «узлом на память», играющим, по определению Ю.М. Лотмана, «роль возбудителя, вызывающего возрастание информации внутри сознания получателя» (Лотман 1973. С. 23). Такое предположение частично подтверждается тем, что случай с Броней – не единственная в «Книге о занятии земли» (и тем более в родовых сагах) история о потерянных животных, однако ни одна из них не рассказывает

Бык... имел три острова, на каждом из которых было по восемь десятков быков» («Öxnaðórir... átti þær þrjár eyjar, er átta tígir uxna var á hverri»: Landn. Viðauk. 6).

¹⁴ Этот отыменный топоним (а именно такими являются большинство исландских топонимов) строится по образцу антропонимических, что может рассматриваться как включение Брони в число действующих персонажей. Именно поэтому, на наш взгляд, при переводе данного топонима не уместен вариант «Кольчужная Долина» или ему подобные, поскольку тогда теряется явная в оригинале отсылка к образованию топонима от личного имени/клички.

¹⁵ «Hvamm-Þórer deildi við Ref en gamla um kú þá, er Brynja het; við hana er dalurinn kendur. Hún gekk þar úti með 40 nauta, ok voru aull frá henni komin. Þeir Refr ok Þorer baurðust hjá Þórishólum; þar féll Þorer ok 8 menn hans» (Landn. K. 14. Bls. 6).

ся столь подробно, и кличка животного приводится в редчайших случаях – когда топоним образован именно от нее. В «Книге» приводится несколько случаев, когда были счастливо найдены убежавшие свиньи. Все они также служат объяснением происхождения топонимов. В двух эпизодах места обнаружения потерянных свиней называются «Свиной Долиной» (*Svinadalr* – о свиньях Стейнольва: Landn. К. 42. Bls. 26; *Ингимунда*: Landn. К. 57. Bls. 39), в одном – «Долиной Сёльви» (*Saulvadalr*) – по кличке хряка Сёльви; однако о нем известно лишь то, что он принадлежал Хельги Тощему (Landn. К. 66. Bls. 47), и краткое упоминание его клички не связано с нарративным сюжетом – оно лишь поясняет «неговорящий» топоним¹⁶.

История же с Броней (единственной коровой, от клички которой образован топоним) уникальна по своей подробности: не всем первопоселенцам в «Книге о занятии земли» посвящен такой пространный эпизод. Изображение Брони как действующего персонажа повествования может быть обусловлено несколькими причинами. Во-первых, Броня выступает в качестве активного актора и, в определенной степени, генератора сюжета – она уводит за собой овец, которые и становятся предметом тяжбы. При этом Броня способствовала увеличению состояния своего хозяина, приведя с собой в долину отару овец. Во-вторых, разразившаяся тяжба имеет тяжелые последствия: до того, как совершилось примирение сторон, были убиты Торир и еще восемь человек. Наконец, возможно, это было вызвано особой ролью крупного рогатого скота в древнескандинавской картине мира (где бык символизировал культ плодородия и мужской силы), стереотипы которой могли оставаться значимыми и для исландцев: в «Книге о занятии земли» коровы и молочные продукты остаются символами богатства и плодородия (ср.: Костюхин 1987. С. 13–75).

Корове Броне в «Книге о занятии земли», тем самым, отведено особое место. Наличие собственного имени противопоставляет ее другим, безымянным животным и ставит на один уровень с первопоселенцами-людьми. Броня выступает в роли активно действующего персонажа, ее кличка становится маркером местности.

Таким образом, в целом слабо отраженный в «Книге о занятии земли» животный мир, тем не менее, представлен в его раз-

¹⁶ О лошадях, связанных с ними сюжетах «Книги о занятии земли» и данным по их кличкам топонимах следует говорить особо (см. также: Литовских 2009).

нообразных связях с жизнью исландцев и отразился в топонимике острова, в прозвищах людей, в их взаимоотношениях друг с другом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Глазырина Г.В.* Исландские сочинения // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. М., 2009. Т. V. С. 227–238.
- Глазырина Г.В.* Освоение природных ресурсов, хозяйственная деятельность и обмен в раннесредневековой Исландии // ВЕДС–XXV. М., 2013. С. 69–74.
- Гуревич А.Я.* Колонизация Исландии // Ученые записки Калининского педагогического института. Калинин, 1963. Т. 35. Кафедра истории. С. 212–245.
- Джаксон Т.Н., Подосинов А.В.* К вопросу о зооантропоморфных символах в архаической модели мира (*Landvættir* в «Саге об Олаве Трюгвасоне» Снорри Стурлусона) // ВДИ. 2001. № 4. С. 149–167.
- Костюхин Е.А.* Типы и формы животного эпоса. М., 1987.
- Литовских Е.В.* Экстраординарные животные в «Книге о заселении страны» // Викинги. Между Скандинавией и Русью / Авт.-сост. А.А. Фетицов, А.С. Щавелёв. М., 2009. С. 253–262.
- Лотман Ю.М.* Каноническое искусство как информационный парадокс // Проблемы канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973. Т. 19. С. 19–26.
- Bjarni F. Einarsson.* The Settlement of Iceland: A Critical Approach. Granastaðir and the Ecological Heritage. Reykjavík, 1995.
- Brennu-Njáls saga* / Utg. Finnur Jónsson. Halle, 1908. (Altnordische Saga-Bibliothek, 13).
- Egils saga Skallagrímssonar* / Sigurður Nordal gaf út. Reykjavík, 1933. (ÍF, II).
- Eiríks saga rauða* / Sigurður Nordal, Guðni Jónsson gafu út. Reykjavík, 1935. (ÍF, IV).
- Gísla saga Súrssonar* / Guðni Jónsson gaf út. Reykjavík, 1943. (ÍF, VI).
- Glazyrina G.* Dragon Motifs in Yngvars saga víðförla // The Fantastic in Old Norse/Icelandic Literature. Sagas and the British Isles. Preprint papers of the Thirteenth International Saga Conference. Durham and York, 6th–12th August, 2006. Durham, 2006. Vol. 1. P. 288–293.
- Grœnlendinga saga* / Sigurður Nordal, Guðni Jónsson gafu út. Reykjavík, 1935. (ÍF, IV).
- Harðar saga Grímkelssonar ok holmsverja* / Sigurður Nordal, Guðni Jónsson gafu út. Reykjavík, 1935. (ÍF, IV).
- Hastrup K.* Culture and History in Medieval Iceland. Oxford, 1985.
- Hrafnkels saga Freysgoða* / Jón Jóhannesson gaf út. Reykjavík, 1950. (ÍF, XI).

Landnámabók: Ljósprentun handrita / Jakob Benediktsson gaf út // Íslensk
Handrit. Ser. in folio. Reykjavík, 1974. Bd. 3.
Laxdæls saga / Einar Ólafur Sveinsson gaf út. Reykjavík, 1934. (ÍF, V).
Vápnfirðingasaga / Jón Jóhannesson gaf út. Reykjavík, 1950. (ÍF, XI).

Elena V. Litovskikh

THE STORY OF THE COW BRYNJA:
ANIMALS IN *LANDNÁMABÓK*

The cow Brynja in the Icelandic *The Book of Settlements* plays a role of a satellite actor helpful in revealing the meaning of place-names. This separates the story about it from the stories about other animals and birds in the text of the Book and places Brynja on the same level as the human characters.

Key words: *Landnámabók* (*The Book of Settlements*), wild and domestic animals, bynames, place-names.